Очерк VIII. “”Не знаешь ты, как тяжко я страдаю…”...”

В те времена городок Тульчин находился в пределах Подольской губернии. Это было небольшое, живописное, яркое и самобытное местечко с еврейско-украинским населением.

Тульчин, имевший давнюю и трагическую историю, познавший кровавые баталии, ужасные погромы и торговое процветание, в те дни преображался буквально на глазах.

Местное начальство сбилось с ног, чтобы полусонный городок блистал, словно новая серебряная монета, сверкал всеми цветами радуги, как алмаз в руках искусного гранильщика.

Дворники спали по несколько часов в сутки, дабы успеть убрать, почистить замусоренные улочки; блюстители порядка, знавшие наперечет “трудных” обитателей, не ленились лишний раз показать свою власть, всыпая кому надо по полсотни розог и при этом приговаривая: “чтоб уважение имел, да меру знал…”

А виной тульчинского переполоха был предстоящий визит императора на смотр 2-й армии, который должен состояться 17 октября 1823 года.

За неделю до приезда Александра I потянулись в Тульчин десятки экипажей высшей знати, кареты армейской элиты с домочадцами, повозки окрестных помещиков с многочисленными семьями и даже иные состоятельные крестьяне, рискуя быть высеченными, отправлялись в местечко поглазеть на “Благословенного” да при случае выгодно сбыть на рынке съестное.

Полиции приказано зорко следить, чтобы в городок не проникли “подозрительные” личности, нищие, праздношатающиеся – нежелательные свидетели предстоящих торжеств.

Граф Иван Осипович Витт изрядно волновался, хотя старался не показывать виду. Он числился командиром дивизии, которой приказано участвовать в смотре.

Все знали: император с юности любит созерцать строевые экзерциции, охотно пялит свои близорукие глаза на яркие мундиры, получает удовольствие от удачных маневров, может без устали наблюдать обучение новобранцев, правда, при этом морщась, когда до его тугого уха долетают неприличные выражения… Зато потом, по окончании парада, как он жаждал покрасоваться на балах, флиртуя направо и налево, вызывая неподдельное восхищение своим умением шаркать по паркету…

Офицеры, желая угодить строгим командирам, доводили крепких и закаленных в учении солдат до обмороков. “Провинившихся” секли розгами и вновь принуждали к бессмысленной муштре.

…День выдался (для осенней поры) солнечным и теплым. Тысячи людей стояли вдоль дороги, ведущей в Тульчин, в ожидании императора. Центральная улица местечка была запружена “благородными” горожанами; отдельно с цветами в руках стояли учащиеся местной гимназии, а у самого дворца местного предводителя дворянства приветствовать Александра I выстроились высокие военные чины, архиерей со свитой, туда же сумели протиснуться тульчинские красотки, прослышавшие об августейших пристрастиях. Когда вдали показалась кавалькада, крики “Ура!”, “Да здравствует император!” пронеслись по окрестностям городка, достигли его центра, перекинулись в дома обывателей.

Александр ехал верхом на красавце-скакуне, иногда поднимая правую руку для приветствия, в то время как ликующая толпа не переставала бурно выражать свои верноподданнические чувства.

Среди почетных гостей, приглашенных во дворец, куда направляется император, выделялся граф Витт и его спутница. Роскошный наряд и драгоценные украшения отнюдь не затмевали ее необычайную красоту. Время от времени Иван Осипович наклонялся к улыбающейся женщине, что-то ей шептал, но она, казалось, была поглощена пышным зрелищем.

Александр I – в Тульчине! В честь прибытия такого гостя губернское дворянство устраивало бал. Сейчас у императора доброе расположение духа, чего не наблюдалось много месяцев кряду. По слухам всезнающих придворных его не радовали даже мимолетные интрижки.

Впрочем, чему тешиться? В Европе все еще тлеют угли революционного пожара; на родине появились подозрительные общества, могущие посеять смуту; даже в захолустном Тульчине, согласно секретной информации, находится гнездо заговорщиков…

Император рад хоть на время забыть тяжкое бремя верховной власти, возложенное на него Провидением.

Огромный зал дворца ярко освещен. Беспрерывно играет музыка. Создавалось впечатление, будто красивейшие женщины юга Малороссии собрались, чтобы их осчастливил царственный взор.

Александр I прекрасно танцевал. И почти каждое его движение вызывало восхищенные возгласы. “Ах, божественный; ах, благословленный!” – слышалось от сидящих в углу престарелых дам, не выпускающих из рук лорнеты.

Польку царь танцевал с очаровательной графиней Собаньской, а потом полонез, кадриль… При этом Александр I не скупился на комплименты.

Каролина, привыкшая к преклонению пред ней мужчин, была явно польщена августейшим вниманием.

Она кокетливо улыбалась, глаза блестели от нахлынувших чувств, румянец залил белоснежную кожу лица…

Наклонившись совсем близко к уху женщины, император прошептал, что будет ждать ее после бала в своей комнате. Хотя Собаньская поняла – это приказ, лишь игриво погрозила обольстителю мизинчиком…

В Одессе шел дождь, было сыро и неуютно. Пушкин, накинув на себя шерстяной плед, сидел возле камина и писал князю Вяземскому: “У нас скучно и холодно…” (14 октября, 1823 г.).

Поэт хандрил, тосковал, ревновал. В ожидании возвращения Собаньской в Одессу он не находил себе места, на всех злился, накричал на прислугу, посмевшую его потревожить.

„Неужели, – недоумевал Пушкин, – Каролина всерьез любит этого прохвоста, Витта, о котором даже тупоголовый Константин Павлович, средний брат императора, как- то сказал: “Витт такой негодяй, каких свет еще не производил: религия, закон, честность для него не существует. Словом, этот человек, как выражаются французы, достойный виселицы”.

Между тем Витт был весьма тонким и проницательным человеком, умевшим великолепно лавировать в мире интриг, пользуясь благосклонностью своих высоких покровителей.

Графа Витта никогда не мучила совесть, не терзали сомнения, и, если было необходимо, забывал о ревности. Иван Осипович, догадываясь о похотливом желании царя, в душе благословлял любимую женщину на эту связь…

…Пушкин, внезапно встав, принялся ходить по комнате, что-то вполголоса бормоча; затем он сел за стол – и стихи полились:

Простишь ли мне ревнивые мечты,

Моей любви безумное волненье?
Ты мне верна: зачем же любишь ты
Всегда пугать мое воображенье?
Окружена поклонников толпой,
Зачем для всех казаться хочешь милой,
И всех дарит надеждою пустой
Твой чудный взор, то нежный, то унылый?
Мной овладев, мне разум омрачив,
Уверена в любви моей несчастной,
Не видишь ты, когда, в толпе их страстной,
Беседы чужд, один и молчалив,
Терзаюсь я досадой одинокой,
Ни слова мне, ни взгляда… друг жестокой!
Хочу ль бежать: с боязнью и мольбой
Твои глаза не следуют за мной.
Заводит ли красавица другая
Двусмысленный со мною разговор –
Спокойна ты; веселый твой укор
Меня мертвит, любви не выражая.
Скажи еще: соперник вечный мой,
Наедине застав меня с тобой,
Зачем тебя приветствует лукаво?..
Что ж он тебе? Скажи, какое право
Имеет он бледнеть и ревновать?..
В нескромный час меж вечера и света,
Без матери, одна, полуодета,
Зачем его должна ты принимать?..
Но я любим… Наедине со мною
Ты так нежна! Лобзания твои
Так пламенны! Слова твоей любви
Так искренно полны твоей душою!
Тебе смешны мучения мои;
Но я любим, тебя я понимаю.
Мой милый друг, не мучь меня, молю:

Не знаешь ты, как сильно я люблю,
Не знаешь ты, как тяжко я страдаю.

…В апартаментах царя было прохладно и пахло ладаном. Графиня, поеживаясь в своем тонком изысканном наряде, шла по слабо освещенному коридору.

„Вот сюда, пожалуйте, Ваше сиятельство”, – неожиданно услыхала Собаньская тихий, вкрадчивый голос лакея, отворявшего едва приметную дверь.

Александр I при появлении Каролины поднялся с вращающегося кресла, направляясь ей навстречу. “Хочу поздравить Вас, сударыня, Ваш друг, генерал Витт, отличился. Так и передайте ему”.

Графиня вместо слов благодарности только улыбнулась. Император привычным движением руки указал на канапе, покрытый леопардовой шкурой…

Каролина проснулась, когда осеннее солнце вовсю освещало царские покои. На мраморном столике стояли чашечки с кофе. Александр находился у большого окна, выходившего в сад.

Спустя несколько минут они уже сидели за столиком, с видимым удовольствием вкушая кофе с маленькими миндальными пирожными.

Однако глядя на уставшее и хмурое лицо императора, Каролина про себя решила: “Кончились сладострастные вздохи и жаркие объятия. Видимо, государь готовится мне что-то сказать и при этом не очень любезное”.

„Сударыня, – как бы нехотя начал император, – мне известно, что в Вашем салоне ведутся совершенно непозволительные разговоры”. Александр сделал паузу, чтобы допить кофе. Графиня молчала, спокойно поглощая любимое лакомство.

„Одесса, мой друг, превратилась в гнездо заговорщиков. Мне весьма симпатичны поляки, и Вы это хорошо знаете, но прикрывать бунтовщиков, соблазнять

молодых и неопытных в политике… Нехорошо…”

Император, как видно, хотел еще что-то добавить, но хладнокровие оставило Собаньскую. “Ваше Величество, как прикажете понимать Ваше выражение “соблазнять молодых и неопытных”? Среди моих знакомых и друзей неопытных нет”. И она, заразительно рассмеявшись, вновь погрозила своему визави мизинчиком своей прелестной ручки.

Каролина прекрасно поняла, что имеет в виду ее могущественный собеседник, решив серьезное предупреждение превратить в банальную шутку.

Лицо Александра I оставалось непроницаемым. “А господа Пушкин, Раевский, Олизар, Залеский?.. Достаточно или продолжить?” – не без иронии парировал император.

При упоминании этих имен лицо Каролины порозовело. В эти минуты она казалась еще прекраснее. Александр невольно залюбовался ее античным профилем, бесподобным станом, на редкость выразительными глазами…

„Пушкин? – с напускным удивлением в голосе оправдывалась Собаньская, – добрый малый, поэт и ловелас. Делал мне предложение…”

…Небольшой, но уютный зал ресторана Отона был полон. Говорливые и обжорливые посетители ждали сюрприза. Публика порядком хмелела и неохотно раскошеливалась, но обещанного удовольствия все не было. Стали поговаривать, будто хитрый француз дурачит доверчивых завсегдатаев.

Кто-то решил, что надо на сей счет спросить Пушкина, уже битый час сидевшего за бутылкой шампанского. Феофан Иванович, учитель греческого языка в гимназии и большой почитатель заведения Отона, нестойкой походкой направился к столику, за которым поэт коротал

время. Александр Сергеевич знал этого педагога и приветливо кивнул ему, но на его вопрос лишь недоуменно пожал плечами.

Возмущенные гости Отона намеревались идти с тем же вопросом лично к ресторатору, как дверь зала отворилась, и все увидели почтенного одесского француза. Рядом с ним стоял, как торжественно объявил ликующий Отон, “известнейший угадатель и правдивый предсказатель” Макс Гартман.

Что и говорить: получилось очень эффектно. Кто мог подумать? Многие слышали об этом человеке, о нем писала европейская пресса, но кто решился бы представить себе, что каббалист собственной персоной появится в Одессе. Хотя, с другой стороны, все, что невозможно в другом городе необъятной Империи, в Одессе случается.

Правда, стоит напомнить: в Южной Пальмире жили женщины, овладевшие мыслями, чувствами и желаниями Макса Гартмана. Но не только сердечная тоска привела этого человека к черноморским берегам…

И вновь – разочарование. Посетители ресторана рассчитывали, что “сюрприз” прямо в зале примется “творить чудеса”. Но Гартман, мило улыбаясь, стал любезно раскланиваться, потом внезапно удалился.

Феофан Иванович, будучи в приличном подпитии, начал ругаться, словно извозчик с Пересыпи, его дружно поддержали остальные гуляки; и только Пушкин, узрев каббалиста, еще сильнее помрачнел.

На следующий день Александр Сергеевич, едва одевшись, поспешил к Отону. Хозяин собственного дома занимал две небольшие комнаты, скромно обставленные.

Увидев Пушкина, Отон искренне обрадовался: “Вас ждут”. Ждал поэта все тот же Гартман. Некоторое время они бесцеремонно друг друга разглядывали. Первым

молчание нарушил австриец: “Много лет тому назад великий Баал-Шем-Тов предсказал Ваше появление…”

„А что скажете Вы, герр Гартман?” – запальчиво спросил Пушкин, не дав каббалисту закончить фразу. “Молодому человеку не терпится узнать, не так ли?” – с улыбкой констатировал предсказатель очевидный факт.

Австриец указал на кресло, и, когда они удобно расположились, Макс, отбросив притворную любезность, заявил: “Так, знайте: Ваше назойливое ухаживание за Каролиной не имеет взаимности. Обратите Ваш пылкий взор на другую полячку, месье Пушкин, графиня Воронцова Вас лучше поймет и оценит”.

„И еще, – Гартман посмотрел по сторонам, будто опасался, что в комнате пребывает посторонний, – Елизавета Ксаверьевна получила в дар перстень, имеющий наш знак. Если сия вещь окажется у Вас, она принесет Вам счастье и славу. Но, как часто случается на этом бренном свете, обладатели такой радости живут недолго”.

После этих слов Гартман встал, дав понять, что разговор окончен. Пушкин еще какое-то время оставался сидеть в комнате, глубоко задумавшись…

В тот вечер граф Воронцов намеревался послать слугу, чтобы сообщить, что не сможет прибыть на званый ужин к Ланжерону, сославшись на недомогание. У Михаила Семеновича действительно разболелась голова.

Он сидел в своем кабинете, листал новую книгу, одновременно пытаясь слушать доклад секретаря. Генерал искренне обрадовался, когда наконец остался один со своими невеселыми мыслями. Только недавно из Петербурга вернулся граф Витт. Он привез Воронцову секретное послание Аракчеева, в котором всесильный фаворит укоряет его в “излишнем либерализме”. Михаил Семенович, читая это скудоумное письмо, лишь

иронически улыбался.

Другая новость, о которой ему стало известно несколько часов тому назад, разозлила Воронцова не на шутку. Оказалось, если верить слухам, его “ненаглядная Элизабет” в центре внимания двусмысленных пересудов. Красавица Воронцова, блиставшая на всех балах, которые изволила посещать, якобы ищет встречи с молодым поэтом, мелким чиновником ее мужа.

„Пушкин заходит слишком далеко, – решил Михаил Семенович. – Служба его совершенно не интересует, и я ему это прощал, принимая во внимание его способности пиита. Смотрел я сквозь пальцы на его якобинские рассуждения в салонах; но посягать на честь графини?!.”

Воронцов нервно зашагал по кабинету. “Хотя, – и при этой мысли Михаил Семенович усмехнулся, – Пушкин не был бы мужчиной, если бы не обратил внимание на мою жену”.

И он вдруг вспомнил свои молодые годы. От этих воспоминаний ему сделалось легко и приятно. Граф сел на стул, достал из ящика стола сигару, и вскоре просторное помещение окуталось голубоватым дымом…

„Кажется, это произошло в памятном восемьсот пятом. Корнет Деревянко, любимец полка, гуляка и выпивоха, привел в дом, где собирались офицеры, смазливую девчонку, лет 15-16. Корнет заметил, что сослуживцы завистливым взглядом провожают его, когда, обняв за тонкую талию жительницу австрийской деревушки, он отправляется в близлежащий лес. Деревянко теперь старался скрывать свою симпатию.

Приглянулась девица и мне. Но как отбить у смелого юноши его добычу? Помог случай. Полковой доктор был приглашен в деревню, чтобы оказать помощь больному. Там он заметил ту самую девчонку и мне по секрету об этом рассказал.

На следующий день, напялив одежды нашего лекаря, я галопом погнал в эту деревню. Там я без труда нашел Эльзу. Поначалу девчонка решила, будто я – лекарь и вновь прискакал к ее больному отцу. Но, сбросив чужой камзол, она увидела на мне блестящий мундир офицера гвардии. Золотые монеты, которыми я одарил это бедное австрийское семейство, подействовали безотказно…

Корнет вызвал меня на дуэль. И вот передо мной юный русский воин, которому еще предстояли сражения во славу России, а тут… Нет, – решил я. Дуэли не бывать. Признав себя неправым, я бросил пистолет. Деревянко поступил так же, и мы помирились”.

Воронцов вновь улыбнулся, припоминая компромиссное решение насчет Эльзы. “По четным дням она была с корнетом, а остальные – со мной”.

Приятные воспоминания улучшили настроение графа. Он приказал подать экипаж. Поездка по городу радовала Михаила Семеновича. Его повсюду узнавали: мужчины низко кланялись, дамы приветливо махали рукой, посылали воздушный поцелуй; а гимназисты, встречавшиеся на пути, кричали “ура!”…

Подъезжая к дому Рено, в котором жил граф Ланжерон, Воронцов твердо решил: Пушкина следует отослать из Одессы как можно быстрее. А пока быть с ним приветливым и даже снисходительным.

Гости бывшего градоначальника весело проводили время. Михаил Семенович вошел в зал в разгар менуэта. Елизавета Ксаверьевна, любившая танцевать, казалось, никого, кроме Пушкина, на замечала.

Не желая видеть свою жену с поэтом, Воронцов отправился в кабинет Ланжерона, где собрались любители поиграть в вист.

Михаил Семенович особого интереса к картам не питал, считая игру пустой тратой времени. Но сейчас,

желая скрыть раздражение, он сел за столик.

„Хозяин Новороссии” играл рассеянно, то и дело допуская досадные промахи. Партнеры быстро заметили, что Михаил Семенович не в духе. Они явно стушевались, ибо не знали, как надо себя вести в такой ситуации. Некоторые подумали: “Может быть, стоит графу “сдать” игру без боя?”

Положение спас Ланжерон. “Добродушный француз, наверное, что-то придумал”, – решили гости, видя, как он легкой походкой и с очаровательной улыбкой на устах подходит к мрачному наместнику.

Ланжерон стал ему что-то говорить, почти касаясь его бакенбардов. Затем, быстро поднявшись с места и извинившись за прерванную игру, Воронцов последовал за организатором вечера.

В библиотеке было прохладно и сумрачно. Вошедшие едва разглядели человека, стоявшего у книжного шкафа, державшего в одной руке объемный фолиант, а в другой – свечу.

Когда Воронцов приблизился, Ланжерон объявил: “Макс Гартман, доктор философии”. Австриец отложил в сторону книгу и крепко пожал протянутую Михаилом Семеновичем руку.

„Очень рад, Ваше сиятельство, лично засвидетельствовать свое глубокое к Вам уважение”, – сказал Гартман поанглийски, зная особую привязанность Воронцова к языку Шекспира. Обменявшись любезностями, они уединились в оранжерее. Шагая по усыпанной гравием дорожки, соратник русского императора и сомнительная европейская известность увлеченно о чем-то беседовали.

Известно, что Гартман не обошел молчанием щекотливую для Михаила Семеновича тему. Он успокоил графа, сообщив, что Елизавета Ксаверьевна остается преданной женой, а ее увлечение Пушкиным – дань

мимолетной моде и необычайному таланту поэта.

„Неужто Пушкин так всем интересен?” – недоуменно спросил Воронцов у Гартмана, хотя хорошо осознавал незаурядность своего коллежского секретаря.

„Да, Ваше сиятельство, этот молодой человек не только обессмертит свое имя, но станет гордостью государства Российского. Поэт не может без вдохновения. Прекрасные женщины, окружающие Пушкина, способствуют появлению его гениальных творений. И графиня Воронцова не является исключением.

Пушкину кажется, будто серьезно влюблен в этих красавиц, и очень страдает, если чувствует, что нет искренней взаимности. Елизавета Ксаверьевна – умная и впечатлительная женщина, прекрасно понимающая творческую душу. Она искренне восхищается Пушкиным как поэтом, любит его стихи…”

„Кажется, господин Гартман, Вы правы”, – Михаил Семенович кивнул головой и быстрой походкой направился в овальный зал дома Рено.

Вернувшись в бывший дом помещика Куликовского, где жили в то время Воронцовы, Михаил Семенович зашел в кабинет. На письменном столе лежал конверт, в котором находились стихи, написанные ровным и четким почерком писаря-профессионала. В отдельной записке было сказано: “Сии стихи читались и переписывались…”

И Воронцов прочел:

Как наше сердце своенравно!
Томимый вновь,
Я умолял тебя недавно
Обманывать мою любовь,
Участьем, нежностью притворной
Одушевлять свой дивный взгляд,
Играть душой моей покорной,
В нее вливать огонь и яд…

Каролина Собаньская

Калипсо

Амалия Ризнич

Для заметок

И. Михайлов

ПРЕДСКАЗАНИЯ ВЕЛИКОГО ЧУДОТВОРЦА

Историко-документальные очерки

Редактор *Т.Грицюк*.
Технический редактор, компьютерная верстка *И.Терентьева*.
Печать *С.Волынец.*
Фальцовочно-переплетные работы *А.Грубкина*.

Здано в набор 09.11.2005. Подписано в печать 28.11.2005.
Бумага офсетная. Формат 60x84$^{1}/_{16}$.
Гарнитура “Times”. Уч.-изд. лист. 5,6. Условн. печ. лист. 8,8.
Тираж 400 экз. Зак. № 1385.

Издательство НГГУ им. Петра Могилы.
54003, г. Николаев, ул. 68 Десантников, 10.
Свидетельство о государственной регистрации ДК № 1175 от 25.12.2002 г.